

ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертацию
Грибовского Михаила Викторовича
«Профессорско-преподавательский корпус Императорских
университетов как социально-профессиональная группа российского
общества. 1884 г. – февраль 1917 г.»,
представленную на соискание ученой степени доктора исторических
наук (специальность 07.00.02 – Отечественная история)

Диссертация М.В. Грибовского написана на тему, не однажды привлекавшую интерес историков. О профессорах и доцентах конца XIX – начала XX века писали такие маститые историки, как Лейкина-Свирская, А.Е. Иванов и Труде Маурер, а также более молодые историки, в том числе, Е.А. Ростовцев. В связи с этим моя задача официального оппонента состояла в первую очередь в том, чтобы оценить новаторство и научный вклад автора. Изучение текста диссертации убедило в том, что исследование оригинально, что его автор значительно расширил по сравнению со своими предшественниками источниковую (эмпирическую) основу исследования, создал новые сюжеты в университетском историописании, представил обоснованные выводы.

Перечень архивных документов и опубликованных свидетельств, привлеченных Грибовским к разработке данной темы, впечатляет масштабностью проведенной работы по их изысканию. Он проработал документы из 16 архивохранилищ, и я эту работу видела не только по диссертации, но и в Литовском государственном историческом архиве (Вильнюс) лично. Делопроизводство из университетских архивов и Министерства, опубликованные доклады и отчеты, а также источники личного происхождения позволили диссертанту применить к выбранному хронологическому периоду концепцию университетского прошлого, использованную А.Ю. Андреевым и С.И. Посоховым для первой половины XIX века. В основе ее функционалистский подход, высвечивающий

структуру и функции («миссию») организации / ведомства в свидетельствах (делопроизводстве и воспоминаниях) ее служащих. Этот подход не универсальный, но вполне продуктивный. Университет тогда предстает в качестве государственного учреждения со своей структурой и механикой. Конечно, при таком подходе за рамками свидетельств и «рабочих чертежей» бюрократов остается многое из разнообразия университетской жизни, но это право автора – выбрать для себя желаемую панораму исследования. В этом отношении диссертационное сочинение Грибовского имеет под собой апробированный методологический опыт.

Научная новизна диссертации заключается в том, что Грибовский создал самое полное описание штата всех российских университетов поздней империи, а также коллективный социо-культурный портрет университетских преподавателей.

У меня вызвали сомнение заявленные Грибовским хронологические рамки исследования – 1884 год – февраль 1917 г. «Они определяются, с одной стороны, публикацией нового университетского устава, регламентировавшего жизнь преподавателей классической высшей школы, с другой стороны, революционными изменениями, положившими конец существования Российской империи и имперской университетской системы».

Февраль 1917 г. не положил конец ни Российской империи, ни имперской университетской системы. Но дело не только в этом. Либо мы берем за пограничные точки события в стране, и тогда рассматриваем университет в контексте исторических изменений, происходящих в стране. В этом случае 1884 г. не подходит, так как никаких существенных перемен в жизни империи не произошло. Либо мы берем важные вехи в университетской истории. В этом случае не подходит февраль 1917 г., так как никаких изменений в университетской системе не произошло. Поскольку в диссертации речь идет об университетской корпорации, то логичнее было бы взять исторический отрезок: 1884 – ноябрь 1917 г., когда университеты поступили в ведомство вновь образованного Наркомпроса, и в них начались действительно революционные перемены.

Рассмотрение университетов в период Временного правительства дало бы возможность автору диссертации, возможно, несколько по-иному увидеть такие традиционные университетские проблемы, как корпоративность, автономия, взаимодействие с государственными структурами и т.д., так как именно в этот период представители университетской корпорации оказались у власти и стали готовить собственную университетскую реформу. До чего они довели страну и университеты, в общем известно.

Автор исследования продемонстрировал широкую историографическую эрудицию. Исследовательская литература по данной теме, конечно же, не ограничивается именами специалистов «первого плана». И в первой главе содержится описание вклада практически всех предшественников Грибовского на пути исследования российских университетов. Диссертант хорошо знает российских и зарубежных историков в области университетских исследований. Полагаю, что было бы интереснее и полезнее для данной диссертации сгруппировать всю эту обширную литературу по подходам, а не в хронологическом порядке, обозначить дискуссии и свое место в них. К тому же, вряд ли можно говорить о досоветских публикациях как об историографии. Работы Н.И. Кареева, Г. Зацепы, Ю.А. Кулаковского, В.И. Выдрина (С. 27–28). Правильнее было бы отнести их к источникам, так как они написаны в исследуемый в диссертации период.

Структура диссертации, или как ее еще называют – архитектура текста – соответствует выбранной стратегии исследования. Предложенные сюжеты раскрывают ключевые аспекты службы университетских преподавателей, по которым велось делопроизводство, их внеаудиторную жизнь, то есть присутствие в городской жизни. В целом, получился насыщенный именами и событиями рассказ об университетских городах Российской империи и их проблемах, об университете как «городе в городе», о его жителях, их обязанностях и привилегиях. Такое повествование создает эффект плотного описания, в котором скрупулезно зафиксированы разные проявления публичной жизни. Описываемые кейсы не обосновываются с точки зрения

репрезентативности, но используются в качестве иллюстраций авторских утверждений.

При всех достоинствах и насыщенности данного текста, отмечу не достаточно четкое распределение материала по выделенным разделам, нарушение логики повествования. В главе «Особенности кадрового состава российских университетов» есть сюжеты, прямо не связанные с этой темой. Например, в первом параграфе, в подразделе об академической мобильности необоснованным выглядит сюжет о принятии российского подданства иностранными профессорами (С. 202). Более логично было бы включение этих сведений в раздел о социальном и национальном составе профессоров. В третьем параграфе (посвященном ученым степеням) представляется лишним рассуждение об административных должностях (С. 293).

В первом параграфе, описывая кадровую реформу 1884 года, направленную на отмену доцентуры и введение приват-доцентуры, а также на перевод бывших доцентов на штатные должности (или оставление их за штатом), автор подробно описывает ситуацию в Новороссийском университете. Диссертант детально излагает факты, приводит выдержки из источников, характеристики доцентов, но – не анализирует их, не выделяет официальных и неофициальных критериев отбора, не помещает кадровые решения университетской администрации в социальный, политический и культурный контексты. В силу этого описание Грибовского отвечает на вопрос «что произошло?», но не объясняет почему. Единственной указанной причиной тех или иных кадровых решений является «расширившаяся после введения нового устава роль руководителей учебных округов в решении университетских дел» (С. 178), что явно не объясняет деталей реформы.

Интересна и богата статистическими сведениями глава о «Качестве жизни профессоров и преподавателей». Тут я бы поспорила с аргументацией автора. Так, отмеченное Грибовским противоречие между высокими сравнительно с другими служащими империи доходами и жалобами профессоров на своё бедственное положение, таковым не является.

Это совершенно естественное расхождение между цифровыми показателями и субъективным ощущением человека, получающим государственное жалование. Чтобы увидеть здесь противоречие, необходимо привести в пример социальную среду, представители которой были бы полностью довольны получаемым от государства жалованием. Для более объективной картины качества жизни русского профессора конца XIX – начала XX века надо было бы привести сравнительные данные о качестве жизни профессоров в дореформенный и послереволюционный периоды. Однако бесспорной заслугой автора является не только приведение цифровых размеров профессорского жалования, но исследование его реальной покупательной способности, описание профессорского быта и т.д. Считаю, что это лучший раздел диссертации.

Глава о взаимоотношениях преподавателей и студентов (глава 4) знакомит читателя со случаями, зафиксированными в университетском делопроизводстве. Естественно, что среди таковых – конфликты. Их описания дают богатые возможности исследователю для анализа университетского сообщества. На мой взгляд, диссертанту не хватило времени для переработки собранного материала. Конфликт всегда связан с вопросами перераспределения власти, ролей и статусов, переопределением и переосмыслением норм и т.п. Между тем, замечание Грибовского, что в конце XIX века «жизнь большинства студентов ... с точки зрения отношений между “учащими и учащимися” соответствовала представлениям о норме» (С. 335) не содержит ответов на важные вопросы: чьим представлениям о норме? что такое норма и в чем она заключалась для исследуемого времени? какие отношения считались нормой и не-нормой с точки зрения профессоров, а как на это смотрели студенты?

Вопрос о месте профессора в университетском городе (глава 5) – одна из интереснейших и слабо изученных проблем в университетских исследованиях. И вновь – автор собрал богатый архивный материал, но далеко не всегда этот материал раскрывает суть проблемы. Так, например, рынок услуг, участие профессоров в качестве экспертов – эти сюжеты

выходят за пределы истории городского общежития университетских людей и прочих социальных групп. Проблема «профессор и город» подразумевает, прежде всего, исследование статуса профессора в среде городских обывателей. Автор много пишет о публичных лекциях, но практически ничего не говорит о рецепции этих лекций городской аудиторией. Чтобы понять, о чем идет речь, приведу короткий отрывок из «Клима Самгина». Дядя Хрисанф, человек из театральной среды, не связанный с университетом, говорит: «Обожаю Москву! Горжусь, что я – москвич! Благоговейно – да-с! – хожу по одним улицам со знаменитейшими артистами и учеными нашими! Счастлив снять шапку пред Васильем Осиповичем Ключевским, Толстого, Льва – Льва-с! – дважды встречал. А когда Мария Ермолова на репетицию едет, так я на колени среди улицы встать готов, – сердечное слово!». Горький очень точно, буквально одной фразой вписывает университетского профессора в культурный ландшафт городской среды. Эта тема явно нуждается в научном изучении и могла бы занять достойное место на страницах диссертации. Между тем ее отсутствие не случайно и связано с источниковой базой. Основные источники диссертации – это документы, либо исходящие из университетской среды, либо входящие в нее извне, либо наблюдения Охранки. Ни те, ни другие, ни третьи не дают возможность увидеть профессора в городском интерьере.

Профессорскую идентичность автор диссертации определяет через ее отличие от чиновников, с одной стороны, и преподавателей гимназии с другой. В этом он следует за источниками, вернее, их создателями. И только в одном месте, где речь идет об аплодисментах в конце лекций, приводит профессора И.И. Янжула (С. 110). И хотя речь в данном случае идет не о публичной лекции, здесь присутствует важный момент самоидентификации через противопоставления профессора артисту. Вообще тема взаимодействий профессорской корпорации и артистической (в широком смысле) среды – одна из важнейших для культуры Серебряного века.

В главе 6 «Гражданская активность профессоров и преподавателей российских университетов» автор делит профессоров на «левых» и «правых».

Такое бинарное деление не в состоянии отобразить всю сложность и многообразие политических мнений российской профессуры. Можно согласиться с диссертантом, что поименно подсчитать и определить политические симпатии каждого университетского преподавателя едва ли сегодня представляется возможным, но составить представление о политических раскладах в тех или иных университетах к началу XX в. источники позволяют. Тем не менее, показать разнообразие этих «симпатий» на примере наиболее видных профессоров, оставивших архивы и мемуары, отражающие специфику их политических взглядов, стоило бы. Во всяком случае, можно рассмотреть соотношение профессорского корпуса и политических партий.

Выражение верноподданнических чувств представителями профессорского корпуса – это отдельная проблема, хоть и связанная с политикой, но отнюдь ею не исчерпываемая. Нередко за выражением верноподданнических чувств стоит не политическая программа, а ее отсутствие. Впрочем, не со всеми примерами верноподданнических чувств, приводимых автором, можно согласиться. Так, например,

«13 апреля 1901 г. ректор ИКУ Д.И. Дубяго сделал объявление о визите Великого Князя Константина Константиновича, адресованное профессорам: “В виду присутствия в г. Казани Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича Президента Академии Наук и Почетного Члена Императорского Казанского университета, имею честь пригласить г[оспод] профессоров Казанского университета собраться при отъезде Его Высочества на казенную пароходную пристань».

Где здесь верноподданнические чувства? Официальные проводы президента АН для местных профессоров – это протокольное мероприятие, на которое их приглашают явиться. Вот собственно и всё.

Исследуя феномен «двойной идентичности» у профессоров, автор не очень четко определяет сам феномен. Разумеется, ни один человек не мыслит себя в рамках единой идентичности. Тем не менее, о «двойной идентичности» следует говорить лишь в случае их конфликта. Идентичность

университетского профессора естественным образом предполагает как минимум две ипостаси: ученый и преподаватель. И если между ними возникает конфликт, то мы имеем дело с неполноценным профессионалом. Разумеется, эти случаи вполне могут стать предметом изучения. Но в диссертации речь в данном случае идет о норме, а не о ее нарушении. Если профессор медицины выступает в роли практикующего врача, то это не двойная идентичность, точно так же, как если профессор юриспруденции выступает в роли адвоката. Здесь нет конфликта интересов. Пытаясь доказать обратное, автор приводит пример:

«Тему двойной идентичности на границе университетской и иных институций проиллюстрируем одним кейсом. 24 февраля 1903 г. МНП обратилось к попечителю Московского учебного округа П.А. Некрасову с предложением поставить на вид приват-доценту ИМУ С.И. Викторовскому и оставленному для приготовления к профессорскому званию Жданову то, что они под текстом, представляющим из себя оценку судебного дела, подписались своими академическими званиями, а не как адвокаты. С.И. Викторовский же в объяснительных документах настаивал на том, что их со Ждановым работа являлась именно научным исследованием, «а если она научна, я имел полное право подписаться под ней не как адвокат, а как приват-доцент; ведь подписываются же своими профессорскими именами ученые под произведенными ими химическими, например, анализами и в тех случаях, когда анализы эти произведены по просьбе частных лиц».

Данный пример имеет отношение к профессиональной этике, а не к проблеме идентичности. Он свидетельствует скорее о том, что данное лицо идентифицирует себя с приват-доцентом, а не адвокатом. Примером для демонстрации двойной идентичности могла бы служить административная ситуация, когда профессор, став ректором, вынужден требовать от коллег выполнения распоряжений, которые сам считает абсурдными. Двойная (или двойственная) идентичность обычно указывает на отсутствие равновесия в пределах самоидентификации, и, как правило, ведет к вытеснению одной из двух. Бюрократ может заместить в профессоре ученого и педагога, или,

наоборот, профессор может выполнять административные обязанности спонтанно, плохо, с чувством закрепощения.

Стараясь выявить ценностную систему университетского человека, Грибовский на основе отдельных высказываний демонстрирует читателю ряд общечеловеческих, не специфичных для университета этических представлений. Как известно, норма лучше всего проявляется в моменты её нарушения. Имея это в виду, было бы правильно обратиться к обвинениям профессоров в нарушении корпоративной этики.

Защита диссертации – мероприятие полемическое. Именно поэтому я акцентировала внимание на моментах сомнений и несогласия. Я дискутирую с автором там, где его аргументация не представляется мне основательной. Зыбкость некоторых аргументов основана на доверии Грибовского к свидетельствам архивных источников. Они приводятся как решающее доказательство его предположений. Между тем, коллективный проект по истории университетских архивов, который я вела несколько лет, показал, что в архив подбирались и хранились там определенного рода свидетельства о деятельности государства. Заботой Министерства было, чтобы их показания не противоречили друг другу. Всё, что не соответствовало официальной версии назначения университета, в архив либо не попадало, либо потом уничтожалось ради освобождения места, либо попало туда случайно (в ходе революционных событий или по воле конкретного архивариуса).

Мои критические замечания направлены на усовершенствование текста исследования для публикации полноценной монографии. Тема обширна, текст диссертации большой, есть что редактировать. Это, конечно же, не значит, что автор не достоин ученой степени доктора исторических наук. Напротив, я считаю, что он разработал сложную, актуальную, многотрудную тему, что он - настоящий архивный подвижник, проявил себя как профессиональный историк. Диссертация М.В. Грибовского – это оригинальное исследование, выполненное на богатейшем источниковом

материале. Автор диссертации знает и признает профессиональные конвенции, владеет методами историографического описания, архивного поиска, источникового анализа.

Содержание диссертации соответствует качеству и основным положениям опубликованных Грибовским книг и статей. Текст исследования написан хорошим литературным языком, он легко и увлекательно читается, содержит богатый и правильно оформленный научно-справочный аппарат. Основные научные результаты диссертации соискателя опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, внесенных в перечень журналов и изданий, утвержденных ВАК. Основные положения автореферата соответствуют содержанию текста диссертации.

В целом, изложенные в отзыве соображения и мнения позволяют мне сделать вывод о полном соответствии диссертации и автореферата М.В. Грибовского требованиям п. 9 и 10 действующего «Положения о присуждении ученых степеней». Считаю, что Михаил Викторович Грибовский заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент,
ординарный профессор Школы исторических наук
федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»»
(101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20;
(495) 771-32-32; hse@hse.ru; http://www.hse.ru)
доктор исторических наук
(специальность 07.00.02 – Отечественная история),
профессор

А.В. Вишленкова

Вишленкова Елена Анатольевна
8-965-345-32-05
evishlenkova@mail.ru

01.10.2018

Подпись заверяю

Михайлов
01.10.2018